

Премия Симпатий Жюри

Дмитрий Котомцев

Нечаянная Радость

*Вербы – это весенняя таль.
И чего-то нам светлого жаль,
Значит – теплится где-то свеча.
И молитва моя горяча.
И целую тебя я в плеча.*

А. Блок

XX век стал веком потрясений. Революции, две мировые войны, кровожадная жесткость, доходящая до абсурда, слишком резкий рывок от оазиса спокойствия в омут технологий, модерна, катастроф... Но до того, как кровавая комета осветила путь XX столетию, в полумраке расступающихся облаков, когда лиловели сумерки,

...Серебряный месяц ярко

Над серебряным веком стыл.

Александр Блок писал, что у разных миров – различные цвета, и Творец не пожалел красок на мир Серебряного века: не стоит обманываться названием – для этой эпохи Он собрал все краски, смешанные на палитрах Бакста и Бенуа, и подарил нам *нечаянную радость*. Алела самоубийственная кровь, пролитая ради любви; в жарком фиолетовом тумане Нина Петровская, одурманенная морфием и ревностью, бежала стрелять в Андрея Белого; облачённые в восточные одежды цветов марокканского базара или белоснежные греческие хитоны, обитатели «Башни» Вячеслава Иванова разыгрывали домашние пьесы и мистерии; в душном дыму философы собирались у Мережковских, чтобы разгадать загадки бытия; богатые меценаты организовывали для культурного бомонда маскарады. И сколько было масок! Женщины скрывались за масками Прекрасных Дам, Незнакомок, Женщин, облачённых в Солнце, Кармен, а когда наступала зима

– находили маски даже в снегу... Мужчины не отставали: они были верными рыцарями, жадными до любви охотниками, «конквистадорами в панцирях железных», хулиганами.

Маски надевали и живые люди: Андрей Белый, Тэффи, Саша Чёрный, Черубина де Габриак, Максим Горький... Кажется, нет места искренности и подлинности в мире, где царствует маскарад, где на капустниках Станиславский с актёрами отплясывает канкан, где в театре бывают чаще, чем дома... Но вся эта двойственность и видимая фальшь лишь доказывала сложность и противоречивость самой жизни, которую стали не просто проживать, а *творить*.

И посреди этого хаоса, где *шиповник алый цвёл, стояли тёмных лип аллеи*, прогуливался всегда изящно одетый, ещё с короткой бородкой и усами Иван Алексеевич Бунин, своим орлиным глазом схватывая каждый лепесток трепетного цветка, нечеловеческим обонянием сохраняя запах лип и шиповника и всей душой запечатлевая в памяти осколки бытия, – чтобы потом воплотить их в Слове, ведь

Лишь слову жизнь дана:

Из древней тьмы, на мировом погосте,

Звучат лишь Письмена.

Бунин, которого называют последним русским классиком, певец «чудных мгновений» и «всей жизни», чья парчовая проза, по выражению Набокова, до сих пор восхищает читателей (помним: героиню «Чистого понедельника» *восхищала* золотая парча церковного облачения), представляется каким-то пасынком Серебряного века, словно его приёмный сын, – рождённый через десять лет после Чехова и выступивший в печати задолго до первых декадентов, он будто попал не в свою эпоху – ему бы к молодым Тургеневу, Гончарову и Толстому... Бунин отличается от творцов Серебряного века своей предельной искренностью, внутренней подлинностью (Ф. Степун), то есть способностью честно говорить миру правду о нём самом – и о себе.

Но почему же на закате своего творчества Бунин стал так пристально вглядываться в свою память, чтобы воскресить с её помощью Серебряный век? Почему его «Чистый понедельник» пронизан этим серебристым стынущим воздухом? Во многих его рассказах мы попадаем в особый мирок, отвлечённый от исторической реальности, – то в усадьбу Мити или старый сад, где спеют антоновские яблоки, то в поле, где косят рязанские косцы, то в портовый город, где остаются одни со своей любовью герои «Солнечного удара»... И вдруг перед нами Москва, примерно 1910-е годы; ещё процветает МХТ, читает лекции Андрей Белый, пишет «Огненного ангела» Брюсов, извозчики колесят между ресторанами... Вся атмосфера сохранена и передана по-бунински насыщенно, самыми живыми красками. Зачем?..

И что мы знаем о наших безымянных героях? Он красавец с южной, сицилийской красотой, она подобна персидской царице... Он не слишком вдумчиво сморит на мир, живёт одним днём и страстной любовью к ней, она тиха, спокойна, очаровательно властна и недоступна. Его музыка – это весёлая цыганская гитара в ресторане, её же – сомнамбулически прекрасное начало «Лунной сонаты»... Во всём они противопоставлены друг другу, и тем не менее вместе – она, несмотря на холодность, признаётся, что в жизни у неё есть только он и отец... И больше никого не будет.

Контрастна и её жизнь: днём она ходит на курсы по истории, обедает в вегетарианской столовой. Он не понимает – зачем? *А зачем вообще что-то делается на свете?* – отвечает вопросом она... Вечером – поездка в театры и рестораны в прекрасных платьях и шубках. Кажется, ей ничего не нужно, – но есть у неё цветы любимые и нелюбимые, книги хорошие и высокопарные, которые она всё же всегда читает. Одну из них Бунин называет – это роман, в котором Брюсов рассказал сложную историю любовного треугольника между собой, Андреем Белым и Ниной Петровской, «Огненный ангел», стилизация под средневековье... Бывший солдат из колоний, по-рыцарски верный Рупрехт страстно влюблён в Ренату, она же осиянна – ангелом и ангельской любовью, которую она ищет в живом человеке – Генрихе. В этой

истории всё символично и порой доведено до гротеска, но в ней мелькает одна важная идея – существует *чистая*, непорочная, божественная *любовь*... Она же подсвечивает метафизическим светом «Чистый понедельник».

Для героя любовь равнозначна счастью. Он надеется: она когда-нибудь узнает, что такая любовь – счастье... На что она отвечает цитатой из Толстого – про воду в бредне: счастье не есть что-то цельное и вылитое из одного материала, его нельзя ухватить и держать вечно. Герой верно чувствует: в этом есть что-то *восточное*.

Вдруг в атмосферу Серебряного века врывается Древний Восток, киргизские башни в Кремле. Очередной вопрос: зачем? Бунин не развивает эту восточную мудрость напрямую, поэтому нам нужно самим осторожно пытаться ответить. Что вообще такое восточная мудрость? Мы наивно полагаем, что на Востоке есть инь и ян, добро и зло, укрощение плоти во имя духа. Значит, суть «Чистого понедельника» – преодоление телесного с помощью ухода в обитель? Но что тогда делать с восточными базарами, кальянами, индийскими танцами, знаменитой книгой о любви?.. Всё внешнее – *кажимость*, которую нужно преодолеть в поисках истины, – так думаем мы, потому что мыслим крайностями: дух и плоть. Но на Востоке их нельзя разделить. Как и в героине Бунина.

Она неустанно вдумывается в жизнь, при этом забирая все её щедрые дары. Её тянет в Москву Серебряного века – и в Древнюю Русь, в монастыри, где она закупорена, словно мандельштамовский золотой мёд в бутылках... В ней сочетается тяга к телесному и постоянные размышления о смысле жизни. Она обострённо воспринимает современность и напряжённо впитывает в себя прошлое – «*Господи владыко живота моего...*». Может, поэтому Бунину нужны все эти детали в воспроизведении эпохи – чтобы раскрыть двойственность души героини?.. Отнюдь. Бунин знает: если и была эпоха вопросов и ответов на самые сложные, метафизические вопросы бытия, время отчаянного сомнения и противоречий, неверия и страстной любви к Богу, – то это только эпоха Серебряного века. Только в это мятущееся время

героиня могла задуматься о первозданности мира... И покинуть его, оставить любимого в канун чистого понедельника и уйти в монастырь.

Почему?.. Почему такая очаровательная история так закончилась?

Я думаю, ответ одновременно прост и невероятно сложен: *ощущение красоты вещественного мира непременно приводит человека к духовной сущности мира, помогает найти истину, но не даёт счастья.* Счастье, конечно, не в любви. Точнее – не только в ней. Даже боль, рождённая в любви, прекрасна – помните, в «Натали»: «... разве самая скорбная музыка не даёт счастья?» Разве печальное, но вызывающее восхищение начало «Лунной сонаты» не приносит счастья слушающему? Ведь она выросла из несчастной любви...

Героиня ушла в мир духа, герой остался в мире плоти. Но оба они получили в свои души стрелы телесного и духовного, и уже нельзя сказать, что она будет до конца жизни молиться Богу, а он – прозябать в кабаках. Они, как и Бунин, обрели некую подлинность восприятия мира, приблизились к его истинной сущности. Как же назвать её? Бунин, как и всегда, ничего не объясняет, оставляя героиню участвовать в церковной процессии, а героя тихо уйти из обители, не пытаясь окликнуть её... Но, кажется, такое слово есть, есть название *нечаянной радости*, – я встретил его у Набокова, и оно поможет нам приблизиться сути сложнейшего рассказа Бунина: это *благость*, соединение добра и красоты. Прочтите эти строки, которых бы Бунин не постеснялся: «*Тогда я почувствовал нежность мира, глубокую благость всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим, – и понял, что радость, которую я искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня повсюду, в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождём. Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благостное волнение, подарок, не оценённый нами.*»

Может быть, наконец, и нам пришло время внять Бунину и оценить эту нечаянную радость жизни?.. Всё преходяще, мир переменчив... Что же остаётся? *Жить*, – и мучительно и радостно чувствовать жизнь, все её грани.

Дмитрий Котомцев - студент IV курса Луганского государственного педагогического университета по специальности «Филология. Русский язык и литература». Учитель русского языка и литературы ГУ ЛНР «Гимназия №30 имени Н.Т. Фесенко». Эссеист, сфера творческих и научных интересов: культура Серебряного века, литература русского зарубежья.